КУРАКО Юлия Сергеевна

ассистент кафедры китаеведения Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
Электронная почта: kurako.92@mail.ru

Автобиографические мотивы в повести Янь Лянькэ «Дни, месяцы, годы»

УДК 82.09 DOI dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2017-2/4-9

мемуаристика,
автобиография,
автобиографический
мотив,
мотивный анализ,
творчество Янь
Лянькэ,
абсурдный реализм,
повесть «Дни, месяцы,
годы»

Статья посвящена исследованию повести Янь Лянькэ «Дни, месяцы, годы». На основе мотивного анализа произведения выявляются составляющие канву повествования ведущие мотивы, которые сопоставляются с фактами биографии писателя. Автор приходит к выводу, что обнаруженные мотивы носят автобиографический характер, указывая на неразрывную глубинно-символическую связь фактов жизни писателя с литературной действительностью, и играют важную роль в понимании «абсурдного реализма» в творчестве Янь Лянькэ.

В прозаической литературе существует целый ряд жанров собственного жизнеописания (мемуары, дневник, воспоминания, автобиография и др.), объединяемых в современном отечественном литературоведении под общим названием «мемуаристика» (Л. М. Ньюбина, А. Г. Тартаковский, О. В. Петрышева) или «документальная литература» (Е. Г. Местергази, Л. Я. Гаранин).

Т. Ю. Черкашина отмечает, что одним из самых популярных жанров мемуарно-литературного творчества в наше время остаётся жанр автобиографии, к которому обращаются видные политические и общественные деятели, учёные, музыканты, спортсмены [6, с. 36]. Причина этому, на наш взгляд, заключается в двойственной природе жанра. Автобиографическая литература предполагает наличие двух форм: нефикциональной или документальной, претендующей на максимальную достоверность, и фикциональной, где индивид, жизнь которого подлежит описанию, может быть вымышленной фигурой, тем не менее содержащей некоторые средства документальности (датирование, топонимы и т. п.) и отражающей реальные факты биографии писателя (Л. Н. Толстой «Детство», «Отрочество», «Юность»). Ю. Л. Сапожникова вслед за Ф. Лежёном (Ph. Lejeune) и Л. М. Ньюбиной выделяет специфические черты, отличающие автобиографию от прочих жанров собственного жизнеописания: триединство «я» (автора (писателя), повествователя и главного героя), ретроспективное повествование (время обратимо, а позиция автора неизменна) и рассмотрение индивидуальной жизни личности в её становлении во времени (описание жизненного пути автобиографа в логической последовательности от рождения до

определённого момента жизни, при этом жизнеописание незамкнуто, а финал открыт) [4, с. 55].

От литературной формы автобиографии следует отличать автобиографические мотивы в отдельно взятом художественном произведении или в творчестве писателя в целом. В автобиографии как литературном жанре автобиографическое содержание эксплицитно – очевидно и находится на поверхности, напротив, в произведении с автобиографическими мотивами – оно имплицитно и не всегда легко выявляется. Такие тексты требуют подхода на основе мотивного анализа, который сложился в литературоведении благодаря Б.М. Гаспарову (Тартуская школа, кон. 1970-х гг.).

Мотив в рамках данного подхода рассматривается как «единица повествовательного языка» [5, с. 33], «минимальный элемент художественного произведения, неразложимый далее элемент содержания» [3], а автобиографический мотив, следуя логике высказываний, представляет собой неразложимый далее элемент воспоминаний – образ или эпизод, взятый автором произведения из собственной жизни.

Важным при таком подходе является рассмотрение каждого компонента смысла не изолировано в рамках тех свойств, которые присущи ему самому по себе, а в качестве неотъемлемого элемента мотивной инфраструктуры, значимой части смыслового целого.

Б.М. Гаспаров в работе «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования» отмечает, что мотивы, будучи кросс-уровневыми единицами, повторяются и переплетаются в тексте с другими мотивами. «Процесс смысловой индукции развёртывается одновременно по многим разным, то и дело пересекающимся направлениям, и любая найденная нить вытягивает за собой целый клубок мотивов и их связей» [1, с. 337]. Интерпретация текста при мотивном анализе «не складывается» из устойчивых составных частей, но развёртывается и перестраивается в виде подвижного поля, таким образом, что каждый компонент-мотив, из которых складывается ткань этого поля, в любой момент готов раствориться во всё новых слияниях, образующих все новые конфигурации» [1, с. 336]. Введение в анализ каждого нового элемента изменяет содержание всех остальных мотивов, что лишь подтверждает их неразрывную связь. В случае с автобиографическими мотивами в тексте происходят те же явления – в ткань повествования вплетается целый клубок взаимосвязанных и взаимозависимых мотивов, однако ситуация осложняется тем, что эти мотивы не всегда включаются писателем осознанно.

В рамках исследования автобиографических мотивов весьма примечательным является творчество известного китайского писателя Янь Лянькэ (阎连科 (р. 1958)). Его произведения переведены практически на все европейские языки. Он выступал с лекциями в университетах Великобритании, Франции, США, Австралии, Сингапура и других стран, был награждён престижными национальными и международными литературными премиями имени Лу Синя, Лао Шэ, Франца Кафки. В России с его творчеством знакомы мало в силу отсутствия переводов и специальных исследований.

Во многом творчество Янь Лянькэ определила его тяжёлая судьба. Писатель родился в глухой деревне в провинции Хэнань в семье бедных крестьян, и самым сильным воспоминанием из детства для него является голод.

«До сих пор вспоминаю, как тянул мать за руку, цеплялся за рукав и просил есть. Постоянно просил есть» [9, с. 5].

Дата рождения Янь Лянькэ 24 августа 1958 г., но она появилась в документах писателя лишь в двадцать лет, когда он пошёл служить в армию.

«Семья наша жила крайне бедно, и у нас не было привычки справлять дни рождения, поэтому никто толком и не знал, когда я родился «...» Мать помнила лишь, что в год моего рождения батата уродилось так много, что его не успели убрать, и он так и сгнил в земле. А ещё она вспомнила, что в тот год лето было особенно жарким – просто жить не хотелось» [9, с. 3].

В воинской части установили, что батат уродился в 1958 г., а самая сильная жара случилась в августе того же года, двадцать четвёртое число было выбрано наугад. В 1958–1960 гг. в КНР проводилась политика Большого скачка, которая унесла жизни десятков миллионов граждан страны: для Янь Лянькэ это было время начала жизни, а для Китая обернулось большой трагедией.

В раннем детстве в силу нищенского и бесправного положения семьи будущего писателя у Янь Лянькэ сформировался своего рода культ власти. Утром, отправляясь в школу, он каждый раз видел внучку секретаря партийной ячейки с пампушкой в руках.

«Но она не ела эти пампушки, она держала их в руках, словно выставляла напоказ, словно хвасталась властью и могуществом своего деда» [10, с. 21].

Тогда же в детстве у писателя возникло особое отношение к маису – «хлебу» китайской бедноты. Маис позволял выжить, спасал от голода. Он же стал причиной первого незаслуженного, как казалось, наказания.

«Однажды учитель отругал меня за задержку оплаты, и, вернувшись домой, я расплакался. Мать, вручив мне несколько килограммов маиса, отправила на рынок продавать их. Но я счёл это слишком недостойным делом, и наотрез отказался идти. После недолгих препирательств мать дала мне затрепичину, отругала, взяла корзину с маисом и сама пошла на рынок» [9, с. 8].

Именно тогда у Янь Лянькэ возникло вполне осознанное и неодолимое желание навсегда покинуть деревню. Самый верный путь для этого будущий писатель увидел в литературном творчестве: в школьные годы он прочитал роман Чжан Канкан «Граница» (张抗抗 «分界线»), в послесловии к которому говорилось, что издательство пригласило автора переехать из деревни в Харбин.

Когда Янь Лянькэ не было и тридцати, у него на руках после долгой и тяжёлой болезни умер отец, это трагическое событие вселило в него страх смерти. Позднее у самого писателя возникли серьёзные проблемы со здоровьем. Угроза паралича, инвалидности и страх одиночества с новой силой заставили его задуматься над вечными вопросами – жизни и смерти.

Сегодня критики видят в Янь Лянькэ писателя, бросившего вызов «литературе без острых углов» [2] и называют его «мастером абсурдного реализма» [8, с. 173–174]. Применительно к зрелому этапу творчества Янь Лянькэ, начавшемуся во второй половине 1990-х гг., парадокс, заключённый в сочетании слов «абсурд» и «реализм», легко объясним. Писатель раскрывает на страницах произведений суро-

вую реальность, которой сам был свидетелем, при этом облекая её в абсурдную форму. В таком синтезе заключается атака на реальность и выражается протест против неё. Однако абсурдизм Янь Лянькэ не был безоговорочно принят обществом, некоторые произведения писателя в своё время были даже запрещены к публикации в КНР. Сам писатель избегает слово «абсурд» и называет своё творчество «сверхъестественным реализмом».

Особое место в творчестве Янь Лянькэ занимает повесть «Дни, месяцы, годы» (1997). Именно с неё начинается переход от традиционного реализма к абсурдному реализму. За это произведение Янь Лянькэ во второй раз был удостоен литературной премии Лу Синя и ряда других наград.

Известный американский исследователь тайваньского происхождения Дэвид Ван в статье «Любовь и смерть революционной эпохи – проза Янь Лянькэ» (王德威《革命时代的爱与死——论阎连科的小说》) назвал «Дни, месяцы, годы» китайским аналогом повести «Старик и море» Э. Хемингуэя за сходство в описании безвыходного положения главного героя и борьбы за существование, ставшей его судьбой [7].

Вне контекста жизни писателя многие образы могут показаться слишком символическими, абстрактными или даже абсурдными, однако мотивный анализ показывает, что описываемые феномены действительно имели место в реальной жизни и отражены в преувеличенной форме. Такая диалогичность – переключка реальных и вымышленных событий – лежит в основе замысла произведения.

С первых страниц повести перед читателем раскрывается мотив одиночества. В год небывалой засухи, когда всё живое в округе погибло, люди покидают деревню. Главный герой – пожилой крестьянин, которого писатель называет Сянье – Предок или Старик – остаётся совсем один на выжженной солнцем земле, чтобы ухаживать за единственным взошедшим на поле ростком маиса, и с тоской смотрит на удаляющуюся точку последней группы односельчан, покидающих деревню. На расстоянии в несколько сотен ли не остаётся ни одного человека. Мотив одиночества в повести перекликается с мотивом отчаяния в жизни самого Янь Лянькэ. Произведение «Дни, месяцы, годы» написано в период тяжёлой болезни писателя. Тогда Янь Лянькэ совсем упал духом, ему было около сорока лет, но морально он был сломен и ощущал себя стариком. Свои тревоги, размышления о смерти, страх одиночества автор воплотил на страницах повести. Однако главный герой произведения в отличие от писателя не один – у него есть верный друг и помощник – незрячий пёс Слепыш.

«Слепыш, мы с тобой живём, как одна семья, правда, да? Жить вдвоём намного интересней» [11].

С мотивом одиночества довольно тесно переплетается мотив голода. После того как люди покинули деревню, старику нечего было есть, он был на грани жизни и смерти. Детские воспоминания о лишениях помогли Янь Лянькэ в свойственной ему абсурдно-реалистической манере описать голод и жажду, которые одолевали главного героя. Чтобы выжить, он ест крыс, борется с волками за воду, подвергает себя всевозможным страданиям и лишениям.

В тесной связи с мотивом голода происходит развенчание власти «сильных мира сего». С одной стороны, как и писатель в детстве, глав-

ный герой преклоняется перед властью и совершает необходимые обряды перед алтарём почившего чиновника. С другой стороны, страх за собственную жизнь, от которой зависят две другие жизни: собаки и куста маиса, – толкает пожилого крестьянина на преступление: Старик в поисках пищи забирается в дом чиновника, полагая, что там найдёт съестное. Но в доме самого зажиточного человека деревни он ничего не обнаруживает. Так к герою повести приходит осознание, что власть и её всесилие не более чем иллюзия.

Мотив голода, жажды и противостояния силам природы выступают как манифестация мотива смерти, на грани которой находится главный герой. В конце концов, смерть оказывается сильнее человеческой жизни, физически Старик умирает, но благодаря силе духа – побеждает.

Главный смысл произведения заключается в бесконечном течении времени, отсюда и название «Дни, месяцы, годы» – вне зависимости от конечности человеческой жизни время течёт вечно, проходят дни, месяцы, годы. Мотив вечного – циклического времени – пронизывает всё произведение, он доминирует. Исходным для этой мотивной линии является отсутствие на страницах повести прямого указания на конкретные даты начала и завершения описываемых событий.

Сопряжение картин смерти как окончания жизни и бесконечного времени осуществляется за счёт мотива самопожертвования. Отдав свою жизнь, главный герой повести обеспечивает её возрождение, даёт начало новому витку жизни. К образу бесконечного времени имеет прямое отношение образ маиса. Благодаря маису в повести вводится мотив преемственности, бесконечности жизни. Одиноким куст, который вырастил Старик, пожертвовав собой, похоронив себя рядом с ним и став для него удобрением, дал начало семи новым кустам, а те в свою очередь – источник новых жизней. Дни, месяцы, годы указывают на цикличность времени, вечное обращение жизни.

Образ спасительного маиса выбран не случайно – он сыграл важную роль в жизни писателя, столь же важную роль он играет в жизни главного героя повести. Старик не боится собственной смерти, он беспокоится лишь за жизнь растения, которое призвано стать единственным источником возрождения деревни, земли, жизни на земле. В неразрывной связи с образом маиса находится мотив веры и надежды.

«Каждый новый листочек на кустике маиса даёт мне жизненные силы, словно в молодости встречи с любимой на окраине или у колодца» [11].

Выявленные мотивы, пронизывающие все повествовательные, sostenительные и иные уровни произведения, носят автобиографический характер, указывая на неразрывную глубинно-символическую связь фактов жизни писателя с литературной действительностью. Картины борьбы героя повести с голодом, смертью и одиночеством являются проекциями образов борьбы в жизни самого Янь Лянькэ: с голодом в раннем детстве и юности, со страхом перед смертью после потери близких, с боязнью одиночества и отчаянием в период тяжёлой болезни.

Можно лишь предполагать, какие из указанных мотивов были осознанно вплетены Янь Лянькэ в ткань повествования, а какие явились интуитивными вкраплениями в результате работы ассоциатив-

ных образов, поднятых из глубины сознания писателя. Тем не менее можно с уверенностью говорить о наличии в повести «Дни, месяцы, годы» множества автобиографических мотивов.

Литература

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
2. Международное радио Китая: Янь Лянькэ – лицом к литературе [Электронный документ] // Сайт международного радио Китая на русском языке. URL <http://russian.cri.cn/841/2015/05/13/1s548105.htm> (Дата посещения: 30.04.17).
3. Мотив [Электронный документ] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/> (Дата посещения: 30.04.17).
4. Сапожникова Ю.Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности / Ю.Л. Сапожникова // Учёные записки ЗабГГПУ, 2012. – № 2. – с. 54–56.
5. Силантьев И.В. Мотив как проблема нарратологии / И.В. Силантьев // Критика и семиотика, 2002. – № 5. – с. 32–60.
6. Черкашина Т.Ю. Основные тематические блоки в структуре жанра автобиографии / Т.Ю. Черкашина // Вестник ОГУ, 2014. – № 1 (162). – с. 36–40.
7. 王德威. 革命时代的爱与死 – 论阎连科的小说 / 王德威 // 当代作家评论, 2007. – № 5. – 第25-37页 = Ван, Дэвид. Любовь и смерть революционной эпохи – проза Янь Лянькэ / Дэвид Ван // Дандай цзоцзя пинлунь, 2007. – № 5. – с. 25–37.
8. 陶东风. 从命运悲剧到社会历史悲剧 (阎连科 «年月日», «日光流年», «受活» 综论) / 陶东风 // 中国现代文学研究丛刊. – 北京: 中国现代文学馆出版社, 2016. – № 2. – 第173–188 页 = Тао Дунфэн. От личной до социально-исторической драмы: комментарии к произведениям Янь Лянькэ «Дни, месяцы, годы», «Годы под солнцем», «Трудная жизнь» // Чжунго сяндай вэньсюэ яньцзю цункан. – Пекин: Чжунго сяндай вэньсюэгуань чубаньшэ, 2016. – № 2. – с. 173–188.
9. 张学昕. 我的现实我的主义(阎连科文学对话录) / 张学昕, 阎连科著. – 北京: 中国人民大学出版社, 2011. – 280页 = Чжан Сюэсинь. Моя реальность, мои «–измы»: литературные диалоги с Янь Лянькэ / Чжан Сюэсинь, Янь Лянькэ. – Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2011. – 280 с.
10. 阎连科. 他的话一路散落 / 阎连科著. – 北京: 中国人民大学出版社, 2013. – 198页 = Янь Лянькэ. Россыпи высказываний / Янь Лянькэ. – Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2013. – 198 с.
11. 阎连科. 中国当代作家名作典藏: 年月日 // 当当网 = Янь Лянькэ. Собрание известных произведений современных китайских писателей: Дни, месяцы, годы [Электронный ресурс] // Дандан ван. URL <http://e.dangdang.com/pc/reader/index.html?jsessionid=1A033064AECA7AE57DE1FA21C41921CB?id=1900451627> (Дата посещения: 30.04.17).